

Кен Уилбер: Об интеллектуалах и других кошмарах Нью-Эйдж

Об интеллектуалах и других кошмарах Нью-Эйдж Кен Уилбер

Всё движение Нью-Эйдж целиком — используя этот термин в его широчайшем и самом общем смысле — находится на крайне амбивалентных условиях со своим собственным умом. Нью-Эйдж попросту не знает, что ему делать с интеллектом, рациональным умом, вербальными и концептуальными способностями, которые имеют назойливую склонность возникать прямо посреди жизни.

Будучи одним из приближённых к сфере Нью-Эйджа интеллектуалов, я бы хотел рассмотреть этот сложный вопрос и, возможно, предложить взгляд изнутри на тему роли интеллекта в духовной жизни, пути джняна-йоги (духовный путь интеллекта), а также радостях и ужасах этого наиболее уникально человеческого инструмента — вербального и рационального ума. И я предлагаю это не в виде интеллектуальной или академической дискуссии, но в виде серии личных размышлений.

Ужас пятна Роршаха

Два десятилетия, в течение которых я пишу книги на тему духовности, я постоянно слышу в свою сторону критику, которая, похоже, не имеет ко мне практически никакого отношения (эта критика повторяется исключительно теми, кто никогда меня не встречал), что довольно загадочно, пока не поймёшь, что эта критика, очевидно, посвящена не столько мне, сколько нашим странным взаимоотношениям с собственным интеллектом. Наш собственный интеллект, похоже, пугает нас, и, как следствие, будучи «интеллектуалом», я играю роль пятна Роршаха для того кошмара, который рациональный ум посылает в сердце атмосферы Нью-Эйджа.

Я совершил не меньше ошибок, чем кто-либо другой, и многая критика, на мой взгляд, представляется до боли точной, и я пытаюсь всерьёз к ней относиться. Но критические замечания, которые я обсуждаю здесь, по большей части, столь мимо кассы, что вам просто приходится начинать искать их предтечи в каком-то другом месте. Будучи пятном Роршаха, я оказываюсь приёмником серий сильных проекций, которые дают нам больше информации о состоянии проецирующих, нежели о характеристиках самого чернильного пятна.

Ситуация ухудшается тем фактом, что я не являюсь публичным человеком, что ещё более — и интенсивнее — создаёт вакуум, в который устремляются проекции. Такой недостаток видимости, подобно ситуации, когда психоаналитик сидит за твоей спиной, никогда не доступный вашему взгляду, приводит к возникновению удивительнейших свободных ассоциаций касаясь того, кем я должен быть.

Это правда, что я не очень публичный человек, но причины в моём случае довольно открыты. Когда я написал свою первую книгу, «Спектр сознания», мне едва исполнилось двадцать три, и внимание, которое привлекла эта книга, катапультировало меня из положения никому не известного аспиранта биохимии в статус «учителя нью-эйджа». На меня начали литься приглашения провести лекции и семинары, и я охотно принимал их. Это было опьяняюще прекрасное время.

Однако после года или около того этой небольшой общественной славы передо мной начал маячить решительный выбор: стало совершенно очевидно, по крайней мере, что касается моего случая, что я мог бы продолжить идти сей общественной дорожкой — и не делать вообще никакой новой работы — или же я мог бы свернуть с неё и вернуться к более одинокой и уединённой стезе писателя. В то время я думал: «Я могу почевать на своих лаврах или продолжить создавать новое". Эта мысль постоянно населяла мой разум.

И хуже того, было очевидно, по крайней мере для меня, что я не смогу достаточно легко смешать публичную и частную жизнь: чем больше внимания уделял я первой, тем меньше времени у меня оставалось на вторую. И посему я очень резко — и тотально — прекратил всякого рода публичную активность и сосредоточился исключительно на писательской деятельности. Хотя я нередко и посмеивался над этим решением, я так и ни разу не изменил его за все двадцать лет.

Но незамедлительно я обнаружил удивительное явление, которому было суждено меня преследовать в течение этих двух десятилетий. В Америке не стремиться к свету прожекторов значит быть очень подозрительным. Как сформулировал это Гари Трудо: «Только в Америке неспособность рекламировать себя может широко считаться высокомерием».

Поскольку большинство людей наслаждаются общественным вниманием, им весьма трудно представить себе, как можно испытывать по этому поводу иные чувства. И посему в этот вакуум они нередко отправляют картины того, что должно было бы случиться с ними для того, чтобы отринуть свет прожекторов, и это, как правило, нечто мертвенно и подлинно ужасное. В течение двух десятилетий я слышал, будто бы у меня смертельное заболевание, и мне осталось жить несколько лет. Совсем недавно я услышал, что у меня «патологический страх полётов», на что я вздохнул с облегчением, поскольку, по крайней мере, я не умирал.

Высокомерие, совершенно определённо, является ещё одной наиболее часто предлагаемой причиной того, почему я не веду публичной деятельности (как в цитате Трудо). Ещё я часто слышу вариации на тему того, что я являюсь «эмоциональным инвалидом» или «эмоционально ущербным», а также два моих любимых извечных варианта: страх природы и страх женщин (не спрашивайте меня почему именно это, за исключением того, что мужчины, как правило, должны быть переполнены этими страхами, так что теперь мы получаем удобную экономную упаковку: если верить экофеминисткам, эти два страха теперь должны приобретаться по цене одного). Периодически, на самом деле, даются очень милые и трогательные объяснения: люди предполагают, что я не могу себе

позволить путешествовать, и посему они посылают мне оплаченные авиабилеты или вызываются добровольно последить за моим домом или нечто в этом духе.

К этому пёстроу коктейлю моих мнимых мотивов недавно добавился ещё один: я не желаю, чтобы люди ставили под сомнение мою систему (то есть идеи, представленные в дюжине или около того моих книг). Однако, разумеется, «моя система» получает интенсивное и длительное скептическое рассмотрение со всех возможных сторон, независимо от того, показываюсь я на публике или нет. Мне пришлось бы быть более чем слегка глуповатым, чтобы считать, что если я спрячу свою голову в песок, это прекратит данную лавину.

Однако все эти роршаховы мотивы, действительно, отражают несколько крайне реальных и крайне знакомых проблем. Роль интеллекта и, как следствие, роль интеллектуала — особенно в самом духовном процессе: каковы они должны быть?

Хороший полицейский, плохой полицейский

Я начал с утверждения, что люди в нью-эйджевских или духовных кругах, как правило, находятся в очень двойственных и неловких отношениях со своим интеллектом и в особенности с рациональностью. И мне кажется, это можно понять.

Все мы понимаем, что духовное постижение во многом трансрационально: оно раскрывает истину, и благо, и прекрасное далеко за пределами всего, что ум в общем и рациональность в частном мог бы хотя бы вообразить. И большинство из тех нас, кто следует духовному пути (скажем, медитации, или дзадзэну, или йоге), в действительности пытаются превзойти ум и вместо него открыть «над-ум» — трансцендентальное, сияющее великолепие того самого Божественного, превосходящего всё, что можно изложить словами, концепциями или ментальными идеями, необъятную простоту того, что есть до получения имени, или категории, или интеллектуальной коробки или клетки.

Мы хотим придти к трансрациональности — это прекрасно и великолепно. Однако в своей спешке ретироваться за пределы рационального мы нередко некритически кидаемся на всё, что нерационально, включая многое из того, что откровенным образом является дорациональным, регрессивным, инфантильным и нарциссическим.

Такая путаница дорационального с надрациональным называется «до/над заблуждением», и она работает в обе стороны: ортодоксальные и конвенциональные теоретики отвергают любого рода трансрациональную реальность вообще, так что всякий раз, когда происходит подлинно трансцендентальное и духовное событие, они просто заявляют, что это было всего лишь прорывом каких-то инфантильных, дорациональных и регрессивных элементов. И, с другой стороны, те из нас, кто понимает, что существуют настоящие и подлинные духовные реальности — трансрациональные реальности, — иногда в своём рвении и возбуждении поднимают дорациональную чепуху до надрационального великолепия. Редукционисты, элевационисты: две стороны одной и той же ошибки.

И именно по этой причине, как мне кажется, в нью-эйджевских кругах мы наблюдаем столь амбивалентное отношение к нашим собственным интеллектуальным и рациональным способностям. Предполагается, что нам действительно нужно трансцендировать рациональность, но в первую очередь нам необходимо добраться до неё самой! И слишком многое из того, что мы отправляем «за пределы рациональности» на самом деле остаётся под нею.

От этого мы не вполне понимаем, что нам делать со своим разумом. Любить его или ненавидеть, искать его или отвергать, утончать его или разбивать: о, это странное и ужасное животное — интеллект. И, стало быть, мы не вполне понимаем, что нам делать со своими интеллектуалами. Поскольку наши интеллектуалы, конечно же, играют роль «хорошего полицейского, плохого полицейского». Они, как правило, критикуют и вычищают дорациональную, регрессивную и нарциссическую чепуху, но

также они, как правило, отвергают и затормаживают возникновение более высоких надрациональных истин. Они отправляют «вне закона» и низшее, и высшее, и оставляют место только для посредственности в середине. Мы можем благодарить их за то, что они очищают подвал, но они также не дают нам посмотреть на всё с крыши!

И в этом, по-моему, причина того, почему столь важно, чтобы интеллектуалы следовали в первую голову духовной дисциплине. Способу отдохнуть от ума и открыться для более высокого и прекрасного великолепия: трансрационального до своего основания, духовного в своей глубине, блистающего в той свободе от ума, которую он предоставляет.

Интеллект может, конечно же, быть привнесён в духовный поиск, и в таком он проходит через яростный огонь изначального сознавания, в котором сгорает дотла вместе со всем остальным. Когда мы делаем интеллект своим слугой, он становится замечательным другом, освещающим ярчайшим светом темнейшие из миров, приносящим тепло и ясность всему, чего он касается. Неслучайно, что многие из величайших духовных мудрецов были джняна-йогинами — теми, кто использовал интеллект, чтобы превзойти интеллект. Шанкара, Ауробиндо, Плотин, Майстер Экхарт, Шеллинг, Нагарджуна, Платон: их умы горели столь ярко, что они испепелили эго в процессе.

Частное/публичное

Я продолжу эту тему через мгновение, однако мне не хотелось бы проигнорировать определённый критицизм: что же насчёт этого противопоставления частной и общественной роли интеллектуала? Многие критики, например, были обеспокоены тем, что я герметически закрыт от мира, избегая света прожекторов. Я не стремлюсь к свету прожекторов, это так, но я далеко не закрыт герметически. В качестве только одного лишь примера: три планирующихся выпуска журнала «ReVision» будут посвящены целиком и полностью «Полу, экологии, духовности», в которых более десятка авторов агрессивно проанализируют мою работу, её плюсы и минусы, на что затем будут даны мои ответы и взаимодействия. Мои идеи открыты для самого безжалостного и лютого анализа, и до меня доходит

каждое из замечаний: каждую неделю я получаю иногда сотни факсов, телефонных звонков, сообщений, писем, не говоря уж о полудюжине людей, стучащихся во входную дверь: меня абсолютно забомбили обратной связью.

Что до общественных выступлений, которые многие люди обозначают термином «публичный», я иногда снижаю строгость своей позиции о «непубличности». Я провёл семинары по моим работам, самое недавнее — по книге «Полу, экологии, духовности» во время самого процесса её написания (в нескольких случаях с привлечением сотрудников и студентов Института Наропы). Когда я так поступаю, то никогда не ограничиваю время, и люди могут спросить всё, что их душе угодно, и взаимодействовать со мной так, как пожелают, вне зависимости от того, насколько «грубо».

Именно в этом духе, отмечу самый недавний пример, я согласился побеседовать с Дэвидом Гаем, который посвятил мне материал в журнале «New Age», и, как обычно, я не ограничил разговор временными рамками. Я совершенно ясно сказал, что я буду говорить с ним столь долго, сколько его душе угодно. Последний журналист, которому я сделал такое предложение, поселился в моём доме и беседовал со мной более 100 часов (см. книгу Тони Шварца «What Really Matters: Searching for Wisdom in America»). Господин Гай устал спустя 7 часов, так что можно сказать, что в этом случае мне повезло.

Но я всегда был смертельно серьёзен в отношении этих «безвременных» предложений: вместо беседы, скажем, с дюженой журналистов в течение одного часа я предпочитаю беседовать с одним журналистом в течение двенадцати часов. Надежда всегда на то, что он или она тогда действительно начнёт понимать некоторые тонкие и трудные вопросы, затрагиваемые в моих работах, и по-настоящему глубоко поймёт некоторые из проблем, а не просто на напористый час поверхностной болтовни вокруг вопросов вроде «каков ваш любимый цвет?». И по этой причине верно утверждение, что журналистского брата редко встретишь рядом со мной.

Ходячий мертвец

Другая популярная жалоба, которую я нередко встречаю, состоит в том, что я «бессердечен». Иными словами, мне, поскольку я интеллектуал, должно недоставать чувств, сострадания, эмоций и так далее. Я слышал это обвинение в течение двадцати лет, всегда от людей, которые никогда меня не встречали. Я уверен, что в этом есть своя истина, хотя я предпочитаю считать, что это лишь её «крупница». Однако я также уверен, что эти слухи сильно преувеличены и намного более красочны, чем дело обстоит на самом деле, и вот что интересно: это опять время пятен Роршаха.

Мне кажется, что это также очень важный и о многом говорящий момент. Он напрямую соотносится с нашими деликатными и неоднозначными взаимоотношениями с нашим собственным интеллектом и, как следствие, нашими интеллектуалами: рациональность лучше, чем дорациональность, но хуже, чем надрациональность. Хороший полицейский, плохой полицейский, кто из них остановит вас на обочине жизни? И будете ли вы об этом сожалеть?

По этой причине, мне кажется, многие люди просто не могут поверить в то, что значительный интеллектуальный успех вполне может сопровождаться эмоциональной чувствительностью. Если у вас сильная голова, у вас, должно быть, нет сердца. По-моему, здесь где-то прячется безумное и вздорное уравнение: «Если коэффициент интеллекта взлетает, то эмоциональная чувствительность падает». (Интересно, означает ли это, что если вы установите контакт со своими ощущениями, то коэффициент вашего интеллекта упадёт? Стало быть, к примеру, чем больше психотерапии вы проходите, тем тупее вы становитесь? Довольно идиотское уравнение, вам так не кажется?)

Многие критики решили, что при личной встрече я на самом деле нормальный и добрый парень, посему они недавно придумали более конкретизированное заявление, согласно которому я очень добрый

человек, но мои работы бессердечны. Даже не знаю, как на это отреагировать. Большинство людей находят язык, например, того же «Пола, экологии, духовности» страстным, сильным, эмоциональным, местами даже поэтическим и, не будем спорить, также логичным. Но в конце концов предполагалось, что книга должна быть академической. Так что позвольте попытаться: если эти критики находят мои работы бессердечными, я бы им порекомендовал для начала, чтобы они просто почитали любого немецкого философа, чье имя начинается с буквы Х или Г.

Я описывал свою личную жизнь в книге «Благодать и стойкость». В этой книге было совершенно уместно, чтобы я поделился своими глубокими переживаниями, выраженными очень глубоким языком. Однако такого рода глубокие личные переживания неуместны в академических книгах: они незамедлительно дискредитируют вас в глазах интеллектуального мира — и вполне заслуженно. Это подразумевало бы, что для тебя действительно важен не сам Космос, а твои чувства к Космосу. Необходимо сказать, что есть уместные контексты для обоих аспектов.

Однако я скажу вам, что всегда меня волновало в отношении этих «бессердечных» заявлений в любой их форме. Из-за нашего невероятно двойственного отношения к нашему интеллекту и нашим интеллектуалам проявляется тенденция считать, что если нечто бесстрастно, оно должно обязательно быть неверным, во всех аспектах ложным, и этому нельзя верить вообще. Это как если бы мы применили следующий подход к Альберту Эйнштейну: «Ты говоришь, что E равно mc^2 , но ты не в контакте со своими чувствами, Альберт; следовательно, E попросту не может равняться mc^2 ».

Это бессердечное обвинение ужасным образом изображает лицо истины, оно опустошает поиски смысла, оно прорывается в сердце истинного и разрушает его. Но есть место для чувства и есть место для бесстрастной ясности, разве нельзя уважать оба?

Гимн духовной практики

Сфера, по теме которой я нередко пишу, называется трансперсональной психологией. Если вы заинтересовались, самое лучшее введение в эту сферу — «Пути за пределы эго», редакторами которой являются Роджер Уолш и Фрэнсис Воон. Роджер и Фрэнсис, как многим из вас известно, были и являются лидерами в этой области уже в течение долгого времени, и их книги крайне авторитетны. (Мои основные притязания на славу, разумеется, ограничиваются тем, что я был шафером на их свадьбе.) Фрэнсис окончила работу над новой книге, которую сейчас публикует издательство «Quest» под названием «Тени священного» (Shadows of the Sacred), представляющая очень необычное описание того, как она интегрировала психотерапию и духовность в клинических условиях.

Как бы то ни было, смысл моих книг не в том, чтобы вовлечь людей в интеллектуальные путешествия. Именно это мои книги и пытаются прекратить, что с готовностью подтвердят те, кто их читал. Проблема состоит в том, что многие люди — в академической науке или нет — уже играют в умственные игры: поиск новой парадигмы, поиск новой холистической философии, поиск нового интегративного мировоззрения... и так далее, и тому подобное.

Посему я попытался сыграть с этими людьми в их собственную игру, играя в неё очень быстро и на очень высоком уровне просто для того, чтобы придти к следующему заключению: в определённый момент мы — вы и я — должны прекратить это интеллектуальное путешествие и начать реальную духовную практику. Мы с вами должны начать созерцание, или йогу, или сатсанг, или дзадзэн, или визуализацию, или любую другую настоящую созерцательную практику (их сотни, я упомянул лишь несколько). Но мы должны по-настоящему заниматься этим как практикой: не болтать о религии, не пустословить, но заняться активной, погружённой, страстной и интенсивной практикой.

И в этой практике все ваши книги, все ваши мысли и все ваши идеи потерпят сокрушительное поражение. Вы будете сгорать в огне вашего собственного изначального сознавания, и из пепла дымящихся развалин разбитого эго спонтанно будет возникать новая судьба в самом потоке сознания, и вы, преображённые, очарованные и изменённые, погрузитесь в великолепие Божественного, и вы будете говорить на языке ангелов и видеть глазами святых, и блаженство за блаженством будет охватывать и поднимать вашу душу, и потерянный и найденный Любимый, потерянная и найденная Любимая будет шептать вам на ухо, и Божественное будет гореть столь ярко в каждом взоре и в каждом звуке, в шуме ветра будут звучать священные имена лучезарного Бога в то время, как облака пересекают небесную твердь только лишь для того, чтобы призвать ваше имя, и ваше истинное Я восстанет самим Космосом, священным звуком ладони, хлопающей во всех направлениях, и всё прекратится в этом необычайном гимне. Гимне духовной практики.

Это никак не связано с книгами — с написанием или чтением их. Но, как я уже говорил, многие люди уже активно участвуют в поисках Божественного только лишь в вербальных формах, ментальных формах, религиозной болтовне. Другими словами, они не прорываются в надментальное, они просто застряли в уме. Они не прорываются в надвербальное, они просто застряли в языке. И посему я пытаюсь бросить вызов непосредственно этим вербальным и ментальным играм, и победить их по их собственным правилам, и затем указать людям на реальную практику, подлинную духовную практику. В этом и состоит единственная и безошибочная цель тех двенадцати книг, которые я написал.

Но я не делаю это так, как если бы все должны и обязаны прочесть мои книги, что, судя по всему, утверждают многие мои критики. Есть тысячи более простых способов вовлечься в духовную практику, нежели чтение дюжины моих книг! Я делаю это просто для тех, кто делает это. То есть играет в интеллектуальные игры. Я пытаюсь использовать ум, чтобы победить ум, и указать на надментальное, сверхментальное, лучезарное и яркое свечение Пустоты во всём, что предстаёт перед нами.

В Индии, как я часто отмечаю, делается различие между пандитом и гуру. Пандит — это духовный практик, который также имеет склонность к академической, исследовательской или интеллектуальной работе, тем самым становясь учителем Божественного, писателем, защитником дхармы, интеллектуальным самураем. Гуру, с другой стороны, есть некто, кто вовлекает людей прямо и публично и тесно работает с тяжёлым испытанием преобразования их кармы. Ни одним из этих наименований не следует разбрасываться.

Я пандит, а не гуру, и я объяснил это в самый первый день. Именно этой судьбе я следую, именно в этом миропространстве я воплотился. Я понимаю, что в Америке это всегда будет считаться чем-то странным, поскольку абсолютно каждый сегодня встаёт и публично заявляет, что он является гуру или мастером того или иного сорта. Подобное меня совершенно не прельщает.

Использовать ум, чтобы победить ум. В моих работах, таким образом, всегда есть две части: сильная критика только лишь дорационального в попытке поднять людей до рациональности; затем равнозначно сильная атака на рациональность в попытке открыть людям дорогу к надрациональному. И, таким образом, под этими личинами я всегда играю и хорошего, и плохого полицейского, — в зависимости от того, где и в каких условиях мы встретимся, вы посчитаете меня добрым и щедрым другом или гнусным и бессердечным врагом.

И посему, как видите, я уверен в том, что столь далёкое от меня лично такое большое количество общей критики оборачивается прямо к этому сложному и двойственному отношению, которое есть у нас в отношении наших умов, нашей рациональности, нашего собственного интеллекта — и, как следствие, наших интеллектуалов. И я считаю, что правильным ответом в обоих случаях будет: прекрасный слуга, плохой хозяин.

Если по-настоящему сделать его слугой, интеллект становится быстрой и яростной дорогой к просветлению. Разум горит ярко, сжигая препятствия с необычайной эффективностью — бессердечный в высшем смысле, он

пленных не берёт, поскольку кому хочется держать эго в клетке? Почему бы просто не сжечь его дотла, пока не останется лишь пепел?

Путь интеллекта — путь джняна-йоги — не только путь к просветлению, это также и выражению этого просветления в каждом слове и жесте. Истинный интеллектуал, укоренённый в Сердце сознания Бесформенного, сотворяет пространство или окно, через который Истина может светить и пронизывать душу. И настоящий интеллектуал просто создаёт это пространство и отходит в сторону настолько быстро, насколько возможно.

И именно поэтому путь джняна-йоги есть и путь к просветлению, и выражение уже осуществлённого пробуждения: духовная причина и духовное следствие, объединённые в каждом слове: путь и цель, объединённые в каждом слоге, и это чудесное пространство Бога и Богини будет благословлять каждое слово с безграничным изумлением, и вы свободны, когда слова пересекают страницу, и ваши читатели тоже будут вовлечены в эту безвременную тайну. То место, откуда происходят ваши слова, есть то же самое место, откуда произошёл Большой Взрыв: прямым из Сердца Пустоты, прямым из вашего изначального сознания прямо в это мгновение, прямо в это мгновение, всегда прямо в это мгновение.

Сияние джняна-йоги

На подлинном пути джняна-йоги, иными словами, интеллект является слугом, а не хозяином, и именно здесь заключён удивительнейший секрет, как быть успешным на пути джняна-йоги. Не джняна-йогин, а средний человек — вот над кем доминирует интеллект. На самом деле именно подавляющее большинство людей являются слугами интеллекта.

Большинство людей обычно обуреваемы своими мыслями, образами, полубессознательными идеями и влечениями: это именно то состояние, в котором от интеллекта не освободиться; это именно то состояние, в

котором интеллект есть бессознательный хозяин, а не сознательный слуга; и это именно то состояние, в котором интеллект никогда не сможет быть инструментом Духа.

Я знаю это, потому что я также видел, что интеллект может совершить, когда он захватывает контроль над сознанием. Когда закручивается самозамыкание, и эго поднимает свою голову, интеллект тратит время не на то, чтобы быть рациональным, а на то, чтобы прокручивать рационализации. Я испытал свою честную долю этого, и я слишком долго и слишком часто смотрел прямо в яростные кровавые глаза этой неподатливой твари. Но интеллект легко приходит в замешательство, именно потому, что он осознаёт себя, и, таким образом, он постоянно возвращается обратно к своему пути, и присущая ему мудрость щедро раскрывается в свободе великого Нерождённого.

Тем не менее, я должен сказать, что я не считаю себя исключительно джняна-йогином: я потратил слишком много лет (на самом деле, два десятилетия), сидя в комнате для медитации, чтобы считать себя интеллектуальным йогином. Но моей великой удачей было обнаружить, что когда интеллект оказывается очищен до блеска сияния, тогда он становится непоколебимым защитником Истины и Прекрасного, которому доступны пространства далеко за пределами его возможностей, и в таком виде он служит своему Хозяину более чем плодотворно.

Как семьдесят лет назад сформулировал это А. Г. Сертийанж: «Хотите заниматься интеллектуальной работой? Начните с создания в себе области тишины, привычки к сосредоточению, воли к самоотречению и отрешённости, которые полностью вовлекают вас в работу. Приобретите состояние души, не сгибающейся под ношей влечений и личных желаний, которое является благодатным состоянием интеллектуального труженика. Без этого вы ничего не свершите, по крайней мере, ничего стоящего».

Кен Уилбер: Об интеллектуалах и других кошмарах Нью-Эйдж

И, таким образом, когда всё сказано и сделано, мы используем свой интеллект именно таким образом, и мы становимся друзьями с нашими собственными умами, и сходным образом мы можем смотреть на наших интеллектуалов, считая их верными слугами только лишь этой высшей причины. В зависимости от того, конечно же, понимают ли сами наши интеллектуалы то, какую важную — и ограниченную — роль им предстоит сыграть.

Перевод сообщества ru_kenwilber, 2008

Источник: http://community.livejournal.com/ru_kenwilber